

ПАЗЛ

детективный триллер

КНИГА 15

БИРКА НА НОГЕ

Мурат Карадениз

Мурат Карадениз

Бирка на ноге

<https://litres.ru/74122284>

SelfPub; 2026

Аннотация

Патологоанатом Олег Королёв работает в морге Рязани. Однажды он находит на ноге убитого пластиковую бирку с номером, которого нет в базах. Тело исчезает на следующее утро. Следом — ещё несколько. Все они — участники одного загадочного события, которое случилось семь лет назад. И все они мертвы. Теперь кто-то начал охотиться и за ним. В его квартире оставляют бирки. Звонят с его собственного номера. А его левая рука отказывается слушаться в моменты страха — следствие старой травмы, которая возвращается с каждой новой уликой. Чем глубже он копает, тем сильнее запутывается: улики ведут в тупик, а люди, которым он доверяет, оказываются не теми, за кого себя выдают. Каждая новая бирка приближает его к собственной смерти. Сможет ли он собрать пазл из обрывков памяти, понять, кому можно верить, — и спастись самому?

«ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	4
Пролог	5
ЧАСТЬ 1. ЧУЖИЕ ТЕЛА	10
Глава 1	10
Глава 2	17
Глава 3	22
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Бирка на ноге

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

Пролог

Ночь заливала задний двор морга синим светом от единственного фонаря. Второй не работал — перегорел ещё осенью, и его никто не менял. Снег валил густо, крупными хлопьями, заметая асфальт и превращая двор в белое поле. Только чёрные следы от шин пересекали его, ведя от ворот к служебному входу. Ветер гнал позёмку, и следы медленно исчезали — за полчаса о машине не осталось бы ничего, буд-то её никогда не было.

«Нива» стояла у самой двери. Без номеров. Фары погашены. Двигатель остывал, тихо постукивая металлом на морозе — там, под капотом, что-то щёлкало, сокращалось, привыкало к холоду. Снег уже начал припорошать капот, но машина не была старой — следы краски блестели под фонарём, стёкла чистые, ни царапины. Кто-то ухаживал за ней, мыл, полировал. Или просто угнал недавно.

Человек в капюшоне вышел из неё бесшумно. Чёрные перчатки сжимали край багажника. Он открыл его одним движением, без усилия, будто делал это сотню раз — пальцы нащупали кнопку, нажали, и крышка поднялась, не скрипнув. В багажнике лежало тело, замотанное в плотный полиэтилен. В несколько слоёв, так, чтобы ни одна капля крови не просочилась наружу. Упаковано аккуратно — профессионально, без спешки. Он не торопился, когда заворачивал

его. И не торопился сейчас.

Он схватил тело за плечи, перехватил поудобнее. Вытащил из багажника, волоком потащил к двери — ноги убитого волочились по снегу, оставляя ровные параллельные борозды. Снег хрустел под подошвами, но человек двигался уверенно, не сбиваясь с шага. Никто не должен был его увидеть. В этом дворе никто не ходил ночью. Только уборщик, но тот уже ушёл. И камеры, которые вели запись. Камеры он не боялся.

Он остановился у двери. Поднял правую руку. Приложил палец к считывателю. Красный огонёк мигнул раз, другой — и загорелся зелёным. Щелчок замка. Дверь приоткрылась, выпустив запах формалина и дезинфекции — тот самый, въевшийся в стены за десятилетия, смешанный с хлоркой и чем-то сладковатым, почти неуловимым. Человек втащил тело внутрь, не оглядываясь. Дверь за ним закрылась автоматически.

Коридор был узким, освещённым только аварийными лампами под потолком — старые светильники с пожелтевшими плафонами, от которых падал тусклый, больничный свет. Пол — кафельная плитка, серая, с выщербинами, кое-где залитая чем-то тёмным, въевшимся в швы. Человек шёл, не сбавляя шага. Миновал пост охраны — пустой стол, погасший монитор. Дальше — второй коридор, длиннее, с дверями холодильных камер.

Он открыл одну. Металлический лязг разнёсся по кори-

дору, но никто не услышал — морг спал. Спали мёртвые в камерах, спал персонал в подсобке, спала ночь за окнами. Только ветер завывал в вентиляции.

Он затащил тело внутрь, бросил на стол. Тело ударилось о металл с глухим стуком — тяжёлое, плотное, не пустое. Человек выдохнул — пар вырвался из-под капюшона. Поправил плёнку, начал разворачивать. Слой за слоем, аккуратно, не спеша. Сначала ноги — обувь дорогая, итальянская, кожаная. Потом туловище — пиджак, рубашка, галстук. Потом руки — чистые, с аккуратным маникюром. Дошёл до лица.

Мужчина. Сорок лет, не больше. Волосы тёмные, с сединой на висках. Лицо ухоженное, гладко выбритое, с чёткими чертами — тот, кто привык смотреться в зеркало и нравиться себе. Дорогое пальто — итальянская кожа, тонкая, мягкая, пуговицы с золотым напылением. Руки без мозолей, без шрамов. Не рабочий. Не бездомный. Кто-то, кто зарабатывает на жизнь не руками. И явно не бедный.

На виске застыла кровь. Удар был сильным — разбил кожу, оставил вмятину. Человек наклонился ниже, осмотрел рану. Тупой предмет. Металлический, тяжёлый. Удар нанесён сзади, с размаху, в левую часть головы. Следы почти идеальные — не первый раз такой видит. Кто-то знал, куда бить. Кто-то делал это раньше.

Он поднял штанину убитого. На правой лодыжке — пластиковая бирка. Белая, с чёрным шрифтом. Не медицинская, не из морга. Своя. Подогнанная под размер лодыжки, застёг-

нутая намертво — пластиковые зажимы, которые просто так не откроешь. Номер: «Р-А-907».

Человек замер на секунду. Коснулся бирки пальцем в перчатке. Провёл по ней, будто проверяя, настоящая ли. Потом аккуратно завернул плёнку обратно. Закрыв лицо. Выпрямился. Выходя, закрыл дверцу камеры — железо лязгнуло, и звук затих в пустоте.

Тишина. Только вентиляция гудела где-то под потолком, да снег бил в окно.

Человек стоял посреди пустого коридора. Лампы горели тускло, почти не давая света. Он медленно повернулся. Посмотрел в угол — туда, где на стене висела камера видеонаблюдения. Красный глазок мигал ровно, запись шла. Он знал это. Он хотел этого.

Он снял левую перчатку. Медленно, смакуя движение. Сначала оттянул край, потом стянул с пальцев — резина скользнула, освободила кожу. На запястье, чуть выше вен, чернела татуировка. Свежая — кожа вокруг была розовой, чуть припухшей, с красными крапинками. «Р-С-001». Чёткие буквы, ровные цифры. Работа мастера, который умеет делать глубокие линии.

Он поднял руку, поднёс к камере. Показал татуировку пальцем, постучал по ней костяшкой, будто хотел, чтобы оператор рассмотрел. Улыбнулся — широко, открыто, в темноту объектива. Губы шевелились беззвучно. Он знал, что на записи останется каждое движение.

«Ты следующий, Р-О-001», — прошептал он. Без звука. Только движение губ, понятное любому, кто умеет читать по ним.

Потом натянул перчатку обратно. Развернулся. Пошёл к выходу. Открыл дверь — в лицо ударил снег и мороз. Шаг. Второй. Он нырнул в «Ниву», захлопнул дверцу. Двигатель завёлся с пол-оборота. Фары не включились.

Машина бесшумно двинулась к воротам. Снег заметал следы. Через минуту двор был пуст, только одинокая лампочка моргала над запертой дверью.

А в холодильной камере, в тишине и холоде, лежало тело с биркой «Р-А-907». Ждало утра. Ждало Олега Королёва.

ЧАСТЬ 1. ЧУЖИЕ ТЕЛА

Глава 1

Олег Королёв заступил на смену в шесть утра. Морг Рязанского областного бюро судебно-медицинской экспертизы на улице Горького встречал его всё тем же запахом — формалин, хлорка и что-то сладковатое, въевшееся в стены за десятилетия. За одиннадцать лет работы он привык к этому запаху, но каждое утро, переступая порог, на секунду задерживал дыхание.

Он повесил куртку на крючок, надел белый халат, натянул перчатки. Ему было тридцать девять, но седина на висках появилась уже лет пять назад — после Сирии. Там, в 2018-м, он работал военным хирургом в полевом госпитале. Вернулся другим. Тогда же начались кошмары, приступы, когда левая рука отказывалась слушаться. ПТСР — официальный диагноз, записанный в военном билете. Он лечился, но до конца не вылечился. И вряд ли когда-нибудь вылечится.

В морге было тихо — только гул вентиляции гудел под потолком, да где-то в глубине коридора капала вода. Олег прошёл вдоль холодильных камер, проверяя показатели температуры на мониторе. Всё в норме. Пятая камера мигала красным — её открывали меньше часа назад.

Он дёрнул за ручку, металл лязгнул. На столе лежало тело, замотанное в полиэтилен. Без документов. Без имени. Без сопроводительной бумаги, которую полагалось прикладывать к каждому поступлению. Олег нахмурился. За одиннадцать лет такое случалось, но редко. Каждое поступление регистрировалось в журнале. Если тело не было зарегистрировано — значит, кто-то сделал это намеренно.

Он подошёл ближе, развернул плёнку — слой за слоем, аккуратно, чтобы не повредить улики. Сначала ноги — дорогие ботинки, кожаные, без следов износа. Потом туловище — пальто, итальянское, дорогое, с золотыми пуговицами. Потом лицо.

Мужчина. Лет сорока. Тёмные волосы с сединой на висках. Гладко выбрит. Ухожен. Не бездомный. Не бедный. Олег провёл пальцем по виску — кровь запеклась, но рана была свежей, не больше шести часов. Удар тупым предметом. Тяжёлым. С размаху. Кто-то бил его сзади, наверняка не ожидая сопротивления.

Олег поднял штанину. На правой лодыжке — пластиковая бирка. Белая, с чёрным шрифтом. Не похожа на больничную. Не на ту, что вешают в морге. Своя. С номером: «Р-А-907».

Он провёл пальцем по пластику. Открыл журнал поступлений на столе, проверил за вчерашний день. Пусто. Проверил за сегодняшний. Пусто. Тела с биркой Р-А-907 не было. Вообще никаких записей о ночных поступлениях.

Кто-то привёз тело, занёс в камеру и не оставил бумаг. Это

был не просто сбой. Это было намеренное действие.

Олег вернулся к телу, осмотрел его ещё раз. На пальцах — ни царапины, под ногтями — чисто. Никаких следов борьбы. Убили сзади, одним ударом. Профессионально. Или тем, кому жертва доверяла. Или тем, кого не ожидал увидеть.

Он хотел снять отпечатки, но передумал. Сначала нужно разобраться с документами. Он закрыл камеру, записал на стикере номер Р-А-907 и приклеил его на дверцу. Потом пошёл в кабинет начальника. Аникеев должен был быть на месте — он всегда приходил рано, пил чай с мятой и листал бумаги. Так было одиннадцать лет. Аникеев был человеком привычки. И Олег знал, что сегодня эта привычка не подведёт.

Но в кабинете было пусто. Кофе остыл. На столе лежала папка с надписью «Спецучёт», но Олег не стал её трогать. Вместо этого он вернулся в коридор, намереваясь спуститься в архив. Может быть, старые записи что-то прояснят.

Телефон в его кармане завибрировал. Олег достал его, посмотрел на экран — неизвестный номер. Нажал «принять».

Голос в трубке был искажённым, синтезированным — металлическим, без интонаций. Будто кто-то прогнал его через дешёвый голосовой модулятор.

— Не трогай тело, — сказал голос. — Его нет в списках. Ты ничего не видел.

Олег хотел ответить, но трубку сбросили. Он посмотрел на экран — номер не определился. Нажал на вызов, чтобы

перезвонить. Трубку взяли. Но вместо голоса он услышал собственное сообщение на автоответчике. Тот самый, который он записал год назад: «Здравствуйте. Я сейчас не могу ответить. Оставьте сообщение после сигнала».

Олег замер. Он смотрел на экран, где высвечивался его собственный номер. Тот же, что был у него в телефоне. Он перезвонил сам себе. И кто-то поднял трубку. Или что-то.

— Кто это? — спросил он в тишину.

Тишина.

И тогда он услышал дыхание на том конце. Чужое. Наблюдающее. Кто-то был на линии. Кто-то смотрел на него через его собственный номер.

Олег сбросил вызов. Опустил телефон в карман. Провёл рукой по лицу. Только сейчас он заметил, что левая рука начала неметь — пальцы покалывало, словно в них перестала поступать кровь. Он сжал их в кулак, заставил слушаться. ПТСР давал о себе знать. Он помнил этот приступ — первый раз случился в 2019-м, когда он вернулся из Сирии и не мог заснуть трое суток. Врачи сказали: «Это пройдёт». Но не прошло.

Он снова посмотрел в сторону холодильной камеры с телом Р-А-907. Телефон не должен был звонить с его собственного номера. Он знал это. И то, что он ничего не мог с этим сделать, было хуже всего.

В коридоре слышались шаги. Олег поднял голову. По кафельному полу, цокая каблуками, шла Майя Соболева —

стажёр, которую прислали из Москвы две недели назад. Она держала в руках бумажный стаканчик с кофе и улыбалась — широко, неестественно, будто знала что-то, чего не знал он.

— Доброе утро, Олег Олегович, — сказала она, останавливаясь рядом. — Вы сегодня рано. Уже нашли что-то интересное?

Олег посмотрел на неё. На её запястье был пластырь. Под ним просвечивали очертания, похожие на буквы. Он вспомнил, как она пришла в морг две недели назад с рекомендательным письмом из Москвы. Сказала, что хочет работать в провинции, что ей нравится Рязань. Он тогда не придумал значения. Теперь он думал иначе.

— В пятой камере тело без документов, — сказал он. — Кто-то привёз его ночью и не зарегистрировал. Ты ничего не знаешь об этом?

Майя нахмурилась, сделала глоток кофе.

— Нет, я только пришла. Но я могу помочь проверить старые журналы, если хочешь. Я знаю, где архив. Он в подвале, за техническим помещением. Там много пыльно, но, может быть, что-то найдётся.

Она улыбнулась снова. Олег смотрел на пластырь на её запястье. Он подумал о пустой квартире на улице Свободы, о бывшей жене, которая уехала два года назад, сказав: «Я не могу больше жить с твоими кошмарами». Он остался один. И теперь, стоя в пустом коридоре морга, глядя на стажёрку с татуировкой под пластырем, он чувствовал, что одиночество

заканчивается. Но не так, как он хотел.

— Хорошо, — сказал он. — Спустимся через час.

Она кивнула и пошла дальше по коридору. Олег проводил её взглядом. Пластырь на её запястье шевельнулся, когда она ставила стаканчик на стол. Под ним были буквы. Он не был уверен, но он видел первые: «Р-С...»

Олег перевёл дыхание. События развивались быстрее, чем он мог осмыслить. Тело без документов. Звонок с его номера. И Майя — со своей татуировкой, которую она прятала под пластырем.

Он решил, что сначала разберётся с телом. Он вернулся в камеру, открыл дверцу и осмотрел тело ещё раз. На этот раз он заметил деталь, которую упустил в первый раз. На левой руке убитого — маленький шрам, полукруглый, похожий на след от ожога. Олег провёл пальцем по нему, запоминая форму. Такой шрам мог остаться от операции. Или от чего-то другого.

Он открыл планшет, ввёл номер бирки в поиск по базе морга. Ничего. Ни в архивах, ни в журналах, ни в электронной системе. Р-А-907 не существовало. Или существовало, но кто-то удалил его следы.

Олег вышел из камеры, закрыл дверцу. Он чувствовал, как левая рука снова начинает неметь. Он сжал её в кулак, ударил по стене. Боль пронзила пальцы, но рука начала слушаться.

— Что происходит? — спросил он себя.

Ответа не было. Только тишина морга, запах формалина и тело с биркой, которое ждало его вопросов.

Глава 2

Олег закрыл дверцу холодильной камеры и направился к кабинету начальника. Он знал этот путь наизусть — за одиннадцать лет работы в морге на улице Горького он проходил по коридору тысячи раз. Кафельная плитка, выщербленная в одних местах и залитая чем-то тёмным в других. Лампы, которые мигали ровно в половине четвёртого, будто по расписанию. Запах хлорки, который не выветривался даже летом.

Он постучал в дверь. Аникеев сидел за столом, как всегда — кружка с чаем, очки на носу, бумаги разложены веером. Виктору Степановичу было пятьдесят два, он работал в морге ещё до Олега, и казалось, что он сидит за этим столом всю жизнь. Тот же потёртый пиджак, те же седые волосы, зачёсанные назад, та же усталость на лице.

— Доброе утро, Виктор Степанович.

Аникеев поднял глаза, снял очки.

— Олег. Рано ты. Что-то случилось?

— Тело в пятой камере. Без документов. Без регистрации. Кто-то привёз его ночью и не оформил.

Аникеев поморщился, отпил чай. Олег заметил, как рука начальника дрогнула — едва заметно, но для него, привыкшего замечать детали на вскрытиях, это было очевидно.

— Бывает, Олег. Бездомные, уличные. Забывают оформить. Напишешь акт, зарегистрируешь. Всё.

— Это не бездомный. Дорогая одежда. Итальянские ботинки. Ухоженный. Удар по голове. Это убийство.

Аникеев поставил кружку. Олег заметил, как побелели костяшки его пальцев.

— Ну, ограбление. Полиция разберётся.

Олег не отводил взгляда. Он подошёл к столу, положил перед Аникеевым бирку, которую снял с ноги убитого. «Р-А-907». Белый пластик, чёрный шрифт.

Аникеев посмотрел на бирку. Его лицо изменилось — секунду он был спокоен, а в следующую стало серым. Кровь отлила от кожи. Он сглотнул. Руки дрогнули.

— Это... старые наклейки, — сказал он, и голос его сел. — Не обращай внимания. Просто мусор. Выбрось.

— «Старые»? — переспросил Олег. — Я здесь одиннадцать лет, Виктор Степанович. Я никогда не видел бирок с такими номерами. И в журнале поступлений таких записей нет.

— Забудь, Олег, — сказал Аникеев резко, вставая из-за стола. — Ты не знаешь, во что лезешь. Просто делай свою работу. Вскрывай, пиши отчёты, не суй нос туда, где не надо.

Олег смотрел на него. Он никогда не видел начальника таким — испуганным. Аникеев всегда был спокоен, всегда держал себя в руках. Даже когда привозили детей, даже когда тела были в ужасном состоянии. Но сейчас он боялся. И Олег понял: Аникеев знал, что такое Р-А-907. Он знал, откуда пришло тело. И он не хотел, чтобы Олег в это лез.

— Я не забуду, — сказал Олег. — Я пойду в архив. Посмотрю старые журналы. Если вы знаете что-то, Виктор Степанович, сейчас самое время сказать.

Аникеев резко сел, закрыл лицо руками. Помолчал. Затем поднял глаза — в них была обречённость, смешанная с чем-то ещё, возможно страхом.

— Не ходи в архив, Олег. Там нет ничего, что тебе нужно. Просто работай и живи.

— Я не могу, — сказал Олег. — Кто-то позвонил мне с моего собственного номера и сказал не трогать тело. Кто-то был у меня дома, пока я работал. Я должен знать, что происходит.

Аникеев смотрел на него. В его глазах мелькнуло что-то — страх, смешанный с жалостью.

— Ты не знаешь, во что лезешь, Олег. Это не твоя война. Это началось задолго до тебя.

— Тогда скажи мне. Что такое Р-А-907? Что такое Р-О-001? Почему у меня на столе лежит моё личное дело, которого я не создавал?

Аникеев побледнел ещё сильнее. Он открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал. Вместо этого он махнул рукой.

— Уходи, Олег. Уходи и забудь. Если ты продолжишь копать — тебя убьют. Как убили того, кто лежит в пятой камере.

Олег смотрел на него. Секунду он колебался. Затем развернулся и вышел из кабинета, оставив бирку на столе. Он

слышал за спиной, как Аникеев тяжело дышит, как кружка стучается о блюдо — у начальника тряслись руки.

В коридоре Олег почти столкнулся с Майей. Она стояла у дверей кабинета, с бумажным стаканчиком в руке. Улыбалась — широко, открыто.

— Я слышала разговор, — сказала она. — Я знаю, где старые журналы. В подвале. Могу помочь.

Олег посмотрел на неё. Она была новенькой, всего две недели в морге. Приехала из Москвы, сказала, что хочет работать в провинции. Ей было двадцать девять, она была умной, быстрой, задавала правильные вопросы. Слишком правильные.

Он заметил на её запястье пластырь, выглядывающий из-под рукава халата. Свежий. Кожа вокруг розовая. Под ним просвечивали буквы. Он не успел разглядеть, но знал, что они там.

— Что у тебя на руке? — спросил он.

Майя улыбнулась, засунула руки в карманы.

— Просто царапина. Кошка поцарапала. Не обращай внимания.

Она повернулась и пошла в сторону столовой. Олег смотрел ей вслед. Он подумал о своей жизни до морга — о жене, которая не выдержала его кошмаров и уехала в Москву два года назад, о пустой квартире на улице Свободы, где его ждала только тишина. Он думал о том, что никому не нужен. Кроме того, кто оставил ему тело с биркой и позвонил с его

собственного номера.

И он знал: Майя врёт. Татуировка под пластырем — это не царапина. Это «P-C-001». Та же буква, что и на бирке убитого. И он должен был узнать, что это значит.

Глава 3

Архив находился в подвале, за техническим помещением, куда Олег за одиннадцать лет работы спускался всего несколько раз. Спуск вёл по узкой винтовой лестнице, ступени которой были выщерблены и скользкими от времени. Пахло здесь сыростью, плесенью и ещё чем-то кислым, въевшимся в бетонные стены. Единственная лампочка на потолке мерцала жёлтым светом, выхватывая из темноты старые металлические стеллажи, заваленные папками.

Майя шла впереди, уверенно ступая по лестнице. Олег смотрел на её спину, на то, как она не колеблясь поворачивает за угол — она явно бывала здесь не раз. Он хотел спросить, но промолчал. Вопросов было слишком много, и он не знал, с какого начать.

— Здесь, — сказала Майя, останавливаясь у массивной железной дверцы. Она дёрнула за ручку — дверца поддавалась с противным скрипом, открывая помещение, заставленное коробками и папками. Пыль тут была везде — на полу, на стенах, на документах. В воздухе висела взвесь из частиц бумажной трухи, которую поднимал каждый шаг.

Олег включил фонарик на телефоне. Свет выхватил из темноты старый письменный стол, покрытый слоем пыли, и несколько стульев, на которых сидеть было небезопасно. На стенах висели картонные коробки с номерами лет — от 2010

до 2020.

— Нам нужны журналы за последний месяц, — сказал Олег. — И за три месяца до этого.

Майя кивнула и сразу направилась к дальнему стеллажу. Она двигалась быстро, уверенно — будто знала, где что лежит. Олег заметил это, но ничего не сказал. Он открыл ближайшую коробку, поднял облако пыли, закашлялся.

Они работали молча около получаса. Олег перебирал журналы, сверял даты, искал записи о поступлениях. Ничего. За последний месяц всё было чисто — все тела зарегистрированы, все документы на месте. Кроме того, что он нашёл утром.

— Смотри, — сказала Майя. Она стояла с раскрытым журналом в руках. — Три ночных поступления без подписей. Все без документов. Даты: 5-е, 12-е, 19-е. Ни имён, ни адресов, ничего. И номера бирок не совпадают с нашими.

Олег подошёл ближе, заглянул в журнал. Действительно — три записи, сделанные рукой Аникеева. Его почерк он узнал сразу: аккуратные, чуть наклонённые буквы, выведенные шариковой ручкой. В графе «Примечание» стояло: «Без документов. Утилизация». И номера бирок: Р-Б-412, Р-В-518, Р-Г-223.

— Это не случайность, — сказал Олег. — Это система. Три тела за месяц. И все с бирками, которые не зарегистрированы в основной базе. Кто-то водит их сюда ночью, и Аникеев оформляет их как «утилизацию».

— Или просто закрывает глаза, — тихо добавила Майя.

Олег смотрел на страницу. Три бирки. Три номера. Он не знал, кому они принадлежат. Но он знал, что это связано с тем телом, что он нашёл утром. И с татуировкой на запястье человека в капюшоне.

Он услышал щелчок. Оглянулся — Майя стояла чуть позади, держа в руках телефон. Она фотографировала страницу. Щёлкнула ещё раз. И ещё. Олег не успел спросить, зачем она это делает, как заметил, что пластырь на её запястье съехал — край отклеился, обнажая кожу. Под ним, чуть повыше вен, чернела татуировка. Свежая. Кожа вокруг была красноватой, припухшей. Буквы: «P-C-001».

Олег замер. Он смотрел на татуировку, не отрывая взгляда. Майя не заметила или притворилась, что не заметила — она продолжала фотографировать страницы, щёлкая телефоном.

— Майя, — сказал Олег. — Что у тебя на руке?

Она резко обернулась. Посмотрела на запястье. Дёрнула рукав халата, чтобы скрыть татуировку, но было поздно — он уже всё видел.

— Это... ничего, — сказала она. — Старое. Глупое.

— Это не «ничего». Это «P-C-001». Та же буква, что и на бирке убитого. Тот же номер, что ты носишь на руке, как бирку. Ты знаешь, что это такое?

Майя молчала. Она убрала телефон в карман. Её лицо стало серьёзным, улыбка исчезла. Она смотрела на Олега в упор, и в её глазах была решимость.

— Я знаю, — сказала она. — Но не здесь. Не сейчас. Встретимся вечером у старого моста. Я всё расскажу.

Она развернулась и быстро вышла из архива, оставив Олега одного среди пыльных стеллажей и коробок. Он слышал, как её шаги затихают на лестнице. Смотрел на дверь, которая всё ещё качалась от её ухода.

Олег перевёл дыхание. Его рука снова начала неметь — левая, та самая, что всегда отказывала ему в стрессовых ситуациях. Он сжал её в кулак, заставив пальцы слушаться. ПТСР напомнил о себе — колющим ощущением, мурашками, холодом. Он не думал об этом сейчас. Он думал о том, что Майя носила татуировку «P-C-001» — ту самую, которую он видел на её запястье в архиве, когда пластырь съехал. Ту же, что была на руке человека, который приложил палец к считывателю и вошёл в морг той ночью. Дядя Миша подтвердил — женщина в капюшоне знала код.

И она это скрывала.

Олег поднялся по лестнице, открыл дверь на первый этаж. В коридоре было тихо — рабочий день ещё не начался по-настоящему. Он прошёл в кабинет, сел за стол. Телефон молчал. На столе лежал конверт — белый, без подписи. Олег не клал его сюда.

Он разорвал край. Внутри было фото. Его квартира, сделанное изнутри — на столе его ноутбук, его кружка, его зарядка. Телевизор на стене. Часы на полке. Он знал этот ракурс — это было сделано с кухни, из угла, где он никогда не

сидел. Кто-то заходил к нему домой. Кто-то был у него, пока он работал.

Он перевернул фото. С обратной стороны было написано чёрным маркером:

«Ты тоже в списке. Р-О-001. Не лезь».

Глава 4

Олег сжимал фотографию в руке так сильно, что края бумаги впились в ладонь. Он не помнил, чтобы кто-то был у него дома. Он не давал никому ключей. И уж точно не оставлял ноутбук открытым, когда уходил на работу. Он всегда запирали его, всегда проверял замки. Он был параноиком в этом смысле — война и ПТСР сделали его таким. Всё должно было быть на своих местах.

Он выбежал из морга, не надевая куртки. Снег ударил в лицо, холод обжёг лёгкие. Машина завелась с пол-оборота. Он рванул с места, вылетая на пустую утреннюю улицу. Снегопад усиливался, дворники едва справлялись. Олег сжимал руль, смотрел на дорогу, но видел только фото. Свою квартиру. Свой ноутбук. Свою кружку. Кто-то был там. Смотрел на его вещи, возможно, сидел за его столом. Читал его документы.

Он подлетел к дому, бросил машину у подъезда, не заглушив двигатель. Вбежал в подъезд, перепрыгивая через ступеньки. Запах сырости и мусора ударил в нос. Он поднялся на третий этаж, трясущимися руками достал ключи. Замок щёлкнул — дверь открылась. В квартире было тихо.

Олег зашёл внутрь, прикрыл дверь за собой. Осмотрелся. Всё было на месте — диван, телевизор, стол, стулья. Но было что-то не так. Он чувствовал это — шестое чувство, вы-

работанное годами службы. Кто-то был здесь. Запах, почти неуловимым, чужой. И следы на полу. Грязь. Влажная земля, нанесённая с обуви. Свежие, блестящие под светом лампы. Кто-то заходил сюда совсем недавно.

Олег скинул ботинки, прошёл босиком в комнату. Ноутбук был открыт. Он точно закрывал его. Он помнил, как нажал кнопку выключения, закрыл крышку. Теперь она была поднята, экран светился белым светом. На нём был открыт файл — «Личное дело. Королёв О. В.» — который он не создавал и никогда не видел.

Олег сел за стол, пододвинул ноутбук к себе. Пальцы дрожали — левая рука снова отказывалась слушаться. Он сжал её в кулак, ударил по столу. Боль пронзила пальцы, но рука начала работать. Он провёл по тачпаду, прокрутил файл.

На первой странице была его фотография — военная форма, нашивки, каска. 2019 год. Он не помнил, чтобы когда-либо делал это фото, но оно было здесь. Чуть ниже — его имя, дата рождения, номер военного билета. И строка, от которой сердце пропустило удар: «Испытуемый Р-О-001. Препарат «Ресталин». Цель: лечение посттравматического стрессового расстройства у военнослужащих, прошедших боевые действия».

Олег смотрел на экран, не в силах оторвать взгляд. Он не помнил этого. Он ничего не знал ни о каком препарате, ни об испытаниях. Он помнил только, как служил, как вернулся, как его мучили кошмары. Но он не помнил, чтобы ему что-то

вкладывали. Не помнил, чтобы подписывал какие-то бумаги.

Он прокрутил дальше. Побочные эффекты были перечислены в столбик. «Паралич конечностей (временный/постоянный). Психотические расстройства. Смертность в течение 5–7 лет после применения. Летальность — 95%».

Олег закрыл глаза. Голова кружилась. Он попытался вспомнить. 2019 год. Часть 31667 под Рязанью. Медотсек. Белый свет. Кто-то в белом халате. Иголлка. Боль в вене. Он проснулся, и на ноге была бирка. Он содрал её и выбросил. Он не помнил лица, только голос. Женский. «Ты — первый, P-O-001».

Он открыл глаза. Голос из флешбэка звучал в голове, чёткий, ясный. Это был голос Майи. Он был уверен.

Ноутбук мигнул, и экран погас — батарея села. Олег остался в тишине, смотря на чёрный экран, в котором отражалось его собственное лицо. Бледное, мокрое от пота.

И тогда он услышал шаги на лестничной клетке.

Медленные. Тяжёлые. Они остановились прямо у его двери.

Олег замер. Прислушался. Шаги не уходили. Кто-то стоял за дверью. Он слышал дыхание — чуть хриплое, тяжёлое.

Олег подошёл к двери, стараясь ступать бесшумно. Приник к глазку. Коридор был пуст. Никого. Только тусклый свет лампочки и тени от перил.

Он открыл дверь, рывком. На коврике лежала белая пластиковая бирка. Знакомая форма. Чёрный шрифт.

«Р-О-001».

Он поднял её. Под биркой — записка, сложенная вчетверо. Развернул. Буквы были напечатаны, без подписи.

«Ты жив до 01.03.2026. Потом — нет».

Олег сжал бирку в кулаке. 1 марта. Через три дня. Он смотрел на пустой коридор, на лестницу, которая уходила вниз. Шаги не возвращались. Кто-то ушёл. Или стоял там, где он не видел. В слепой зоне.

Олег захлопнул дверь. Запер на все замки. Прислонился спиной к двери, тяжело дыша. В руке — бирка с его собственным номером. На столе — ноутбук с его личным делом, которое он не создавал. В голове — голос Майи из прошлого, который он не мог забыть.

Он посмотрел на дату на телефоне. 26 февраля. Три дня. Три дня до того, как его не станет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.